

УДК 796.011

DOI: [https://doi.org/10.14258/zosh\(2022\)3.09](https://doi.org/10.14258/zosh(2022)3.09)

СПОРТ КАК ЧАСТЬ ЕДИНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Климов Михаил Юрьевич

Кандидат философских наук, доцент кафедры физического воспитания, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: michaiklimov@yandex.ru.

SPORT AS PART OF A SINGLE CULTURAL SPACE: MYTHOLOGICAL CONTENT

Klimov Mikhail Yurievich

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Physical Education, Altai State university (Barnaul, Russia). E-mail: michaiklimov@yandex.ru.

Следует цитировать / Citation:

Климов М. Ю. Спорт как часть единого культурного пространства: мифологическое содержание // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. — 2022. — 27 (3). — С. 94–99. URL: <http://journal.asu.ru/index.php/zosh>. DOI: [https://doi.org/10.14258/zosh\(2022\)3.09](https://doi.org/10.14258/zosh(2022)3.09).

Klimov M. Yu. (2022). Sport as part of a single cultural space: mythological content. Health, Physical Culture and Sports, 27 (3), pp. 94–99 (in Russian). URL: <http://journal.asu.ru/index.php/zosh>. DOI: [https://doi.org/10.14258/zosh\(2022\)3.09](https://doi.org/10.14258/zosh(2022)3.09).

Поступило в редакцию / Submitted 14.07.2022

Принято к публикации / Accepted 28.08.2022

Аннотация. В статье рассматривается мифологизация спорта. Спорт является частью единого культурного пространства, следовательно, все сюжеты, события и истории, разворачивающиеся в информационном поле спорта, подвержены мифологизации, как и вся культура в целом. Мифология спорта восходит к единому мифопоэтическому ядру культуры и развивает общие мифологические сюжеты и представления.

Ключевые слова: спорт, культура, игра, соревнование, миф, ритуал, семиотика

Abstract: The article discusses the mythologization of sports. Since sport is part of a single cultural space, therefore, all plots, events and stories unfolding in the information field of sports are subject to mythologization, as is the whole culture as a whole. The mythology of sports goes back to a single mythopoetic core of culture and develops common mythological plots and ideas.

Keywords: sports, culture, game, competition, myth, ritual, semiotics

В спорте, как части единого культурного пространства, действуют те же правила и законы, которые присущи всей культуре. Представления, взгляды, верования и обычаи, существующие в информационном пространстве спорта, можно определить

как идеологию, согласно формулировке Умберто Эко: «Идеология — все то, с чем так или иначе знаком адресат и та социальная группа, которой он принадлежит, системы его психологических ожиданий, все его интеллектуальные навыки, жизненный опыт, нравственные принципы» (Эко, 2004: 137). Болельщик (адресат), приходя на стадион, открывая спортивную газету или слушая репортаж, погружается в семиотическое пространство спорта; он проецирует в это пространство идеологию общекультурного пространства, в атмосфере которой воспитывался и вырос. Спортивный текст в соединении с идеологией образует особую форму спортивной идеологии, которую мы назовем мифологизированным спортивным мышлением.

В основе спорта лежат реальные числа и факты: килограммы, метры, секунды, кон-

кретные результаты матчей и поединков. И все же спорт подвержен мифологизации едва ли не в большей степени, чем другие культурные феномены.

Природу современного мифа впервые исследовал Ролан Барт. Он рассматривал миф как семиологическую систему. Барт пишет: «Мифология одновременно является частью семиологии как науки формальной и идеологии как науки исторической; она изучает оформленные идеи» (Барт, 1994: 76). В основе построения мифа у Барта лежит уже семиотический треугольник. Барт надстраивает над ним еще один треугольник, считая собственно миф вторичной семиологической системой, где знак (т. е. результат ассоциации концепта и акустического образа) первой системы становится всего лишь означающим во второй системе:

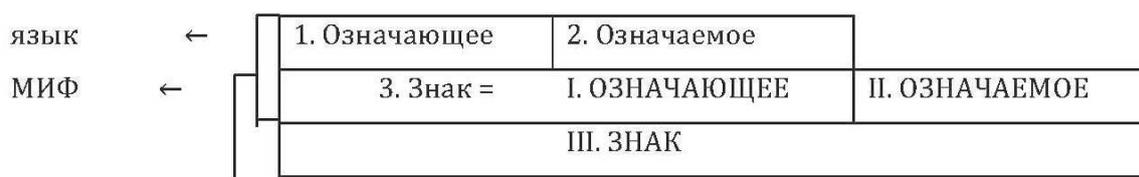

Рис. 1. Семиологическая система мифа Барта (Барт, 1994:79).

Из схемы следует, что в мифе имеются две семиотические системы, одна из которых частично встроена в другую. Во-первых, это языковая система, язык (или спортивный текст); Барт называет его *языком-объектом*, поскольку он поступает в распоряжение мифа, который строит на его основе свою собственную систему. Во-вторых, это сам миф; названный Бартом *метаязыком*, потому что это второй язык, на котором говорят о первом (там же).

Мы принимаем структуру построения мифа Барта, хотя в целом его концепция не свободна от противоречий. Барт идеологизирует и политизирует миф. В стремлении опровергнуть миф и вернуть реальности подлинный смысл, Барт (как подлинный мифолог) творит новый миф: «Революция *созидает* мир и ее язык, весь ее язык, функционально вовлечен в этот творческий акт. Миф и Революция исключают друг друга» (Барт, 1994: 116). Барт обрушивается на миф за то, что он превращает историю в природу, подменяет *реальность*

иллюзией: «Функция мифа заключается в опустошении реальности, миф — это буквально непрерывное кровотечение, истекание, испарение смысла, одним словом, ощутимое его отсутствие» (Барт, 1994: 112).

Нам представляется, что напротив — возвращение объекту «подлинной» сущности означает, по сути, его десемiotизацию. Объекты в такой *реальности* представляют сами себя: они перестают нечто означать, символизировать, указывать, т. е. иметь смысл. У Н. Б. Мечковской в этой *реальности* спорт ни о чем «не рассказывает» и ничто «не отражает» (Мечковская, 2004: 313). Спорт не нуждается в такой *реальности*, он сам создает свою реальность, свою природу. Такой же реальностью обладает и миф. Лосев подчеркивал: «Миф не есть бытие идеальное, но — *жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность*» (Лосев, 1994: 14). Миф необходим спорту, он наполняет спорт исто-

ричностью и драматизмом, превращает Игру в спектакль и представление, придает спортивному тексту притягательность и напряженность.

Мифологизация спортивного текста — неотъемлемое и неизбежное явление в семиотическом пространстве спорта. Это предопределено самой спецификой спортивного семиотического пространства. Даже на первичной стадии восприятия Игры могут возникать искажения визуального спортивного текста и его мифологизация. Так происходит, когда на визуальную картину спортивной борьбы накладывается вербальное сопровождение телекомментатора. Самый беспристрастный комментарий выступает как субъективный

пересказ объективного процесса — он (комментарий) является содержанием по отношению к форме (визуальному тексту). Такой спортивный текст уже не идентичен визуальному и содержит все признаки спортивного мифа. При пересказе визуального спортивного текста и его переводе в письменный текст рождение спортивного мифа предопределено строением вторичной семиотической системы согласно схеме Барта.

Писатель Гастон Дюрне замечает, что в спортивной журналистике, как и в теологии, «главное — уметь все истолковать в нужном свете» (Винокуров, 1981: 159).

Вот как мы можем представить строение спортивного мифа по формуле Барта:

1. Спортивный текст	2. Мифическое сознание
3. Спортивный	миф

Рис. 2. Структура спортивного мифа

Мифическое сознание совсем не абстрактная категория, это — семиотическое представление, столь же реальное, как и все семиотическое пространство. Лосев выделял это особо: «Для мифического сознания как такового миф вовсе не есть ни сказочное бытие, ни даже просто трансцендентное. Это — самое реальное и живое, самое непосредственное и даже чувственное бытие» (Лосев, 1994: 31). Схема Барта соответствует нашему пониманию знаковой структуры: здесь спортивный текст выступает как *форма*, мифическое сознание наполняет ее *содержанием*, а сам спортивный миф воплощает смысл или *значение*, которое мы вкладываем в картину спортивной Игры.

Мифологичный спортивный текст существует только в рамках семиотического спортивного пространства, поскольку оперирует знаками и языком спорта. Несмотря на огромное разнообразие видов спорта, спортивные тексты любого соревнования можно свести к нескольким группам, выражающим общие мифологические сюжеты. Эти сюжеты соответствуют представлению об универсуме в целом. Лотман распространял это правило на всю культуру: «Законообразующий центр культур,

генетически восходящий к первоначальному мифологическому ядру, реконструирует мир как полностью упорядоченный, наделенный единым сюжетом и высшим смыслом» (Лотман, 2001: 288). Такую же упорядоченность и единую целесообразность имеет и спортивный мир — семиотическое пространство спорта.

Спорт, как семиотическая система, находится в постоянном движении и изменении. Изменения касаются как спортивного текста: непрерывная смена игровых эпизодов (кода), так и картины семиотического пространства — один матч приходит на смену другому, соревнование сменяет соревнование, с окончанием одного спортивного сезона начинается следующий. В семиотическом пространстве спорта происходит таким образом постоянное круговращение событий и происшествий. Единая смысловая цепь таких событий (матча или чемпионата) образует сюжет. Сюжет выстраивается из ряда последовательных текстов на определенном временном отрезке.

Лотман описывает две типологические формы сюжетных линий, соответствующие двум типам времени: циклическому и линейному. Циклическое время доминирует в ар-

хаических культурах. Первой особенностью текстов, создаваемых по законам циклического времени, является отсутствие категорий начала и конца: текст мыслится как некоторое непрерывно повторяющееся устройство, синхронизированное с циклическими процессами природы. Человеческая жизнь здесь рассматривается не как линейный отрезок, заключенный между рождением и смертью, а непрерывно повторяющийся цикл. Другой особенностью, связанной с циклическостью, является тенденция к безусловному отождествлению различных персонажей. Это означает, что такие циклы, как сутки, год, циклическая цепь умираний и рождений человека или бога, представляются как взаимно гомеоморфные. События, происходящие в текстопорождающих устройствах такого типа, мыслятся как присущие некоторой позиции цикла и исконно повторяющиеся. Регулярность повтора делает их не эксцессом и случаем, а законом, имманентно присущим миру. Циклическому текстопорождающему устройству типологически противостоит другое текстовое построение, организованное в соответствии с линейным временным движением и фиксирующее не закономерности, а аномалии. Если в первом фиксировался принцип, то здесь — случай. Исторически из первого механизма развились законополагающие и нормирующие тексты как сакрального, так и научного характера, из второго — исторические тексты, хроники и летописи. Лотман подчеркивает принципиально различную прагматическую природу этих исконно противоположных типов текстов: «Миф всегда говорит обо мне. „Новость“, анекдот повествуют о другом. Первое организует мир слушателя, второе добавляет интересные подробности к его знанию этого мира» (Лотман, 2001: 277–278).

Спортивный текст представляет собой взаимодействие и объединение этих двух типов текстов. Наряду с циклической сменой соревнований в спорте непременно присутствуют категории начала и конца. Это неотъемлемые качества спорта: во всех видах спорта всякое соревнование должно начинаться при равном положении всех участников; окончание такого соревнования должно обязательно определить

победителя. Спортивное семиотическое пространство можно условно разделить на различные временные циклы: игровой, соревновательный, сезонный, олимпийский.

1. Игровой промежуток времени составляет один матч, забег, боксерский поединок — первичная смысловая единица соревнования, между началом и концом которой разворачивается визуальный спортивный текст. 2. Соревновательный цикл объединяет Игры в розыгрыш единого чемпионата (или кубка). Формула соревнования может быть разной: круговая (все команды или участники играют каждый друг с другом по кругу), кубковая (команды образуют пары, проигравший выбывает, победитель идет дальше), смешанная (на первом этапе команды играют в круговую, затем с выбыванием). При любой формуле все команды или участники начинают с нуля. Победителем соревнования становится участник, набравший наибольшую сумму условных очков или выигравший финальную Игру. 3. Сезонный цикл совпадает с годовым, но строится на иных принципах, чем природные времена года. В начале такого цикла обязателен подготовительный период, когда команда или спортсмен закладывают необходимый фундамент физической подготовки. Затем следует соревновательный период: череда второстепенных соревнований позволяет набрать «пик формы» к главному старту сезона. Завершается сезон обычно восстановительным периодом. 4. Олимпийский цикл похож на сезонный, только составляет четыре года. Начинается цикл с сезона, следующего после предыдущей Олимпиады, заканчивается выступлением на Олимпийских играх. Все промежуточные сезоны рассматриваются как приобретение соревновательного опыта, совершенствование физических, психологических, технических и тактических качеств спортсмена для достижения наилучшего результата на самых важных соревнованиях — Олимпийских играх.

Существует еще один временной цикл, равный спортивной карьере отдельного спортсмена. Такой цикл мы назовем «жизненным». «Спортивная жизнь» в сжатом и концентрированном виде напоминает обычный жизненный путь: человек делает первые шаги в спорте

(рождается как спортсмен), учится, пытается реализовать себя, добивается успехов и терпит неудачи. Уход из спорта в полной мере соответствует «смерти» спортсмена: он покидает семиотическое пространство спорта, перестает упоминаться в игровых протоколах и спортивных новостях. Для многих бывших спортсменов только «спортивная жизнь» и представляется настоящей. Власов описывает уход из большого спорта как трагедию: «Замечательные атлеты получают к титулу в награду за десятилетия труда звучную приставку „экс”. Бывший — часто это относится ко всей жизни, ибо вся жизнь после мерещится вымышленной, чужой, а та, до „экс”, — единственно стоящей... Ведь для большинства из них спорт — все в жизни, после него — заботы, неизвестность, часто нужда. И вместо почитания — безразличие, безличие, угасание... Из громадности славы, почитания — в подвал забвения, тишины, оцепенелости. Вместо громадной нужности всем — вдруг никчемность и непригодность к другой жизни» (Власов, 1994: 222–223).

В семиотическом пространстве спорта вполне возможна «реинкарнация»: спортсмен «перерождается» в иную ипостась — тренера, спортивного чиновника, арбитра, журналиста или телекомментатора. Наиболее значительный семантический образ несет в себе фигура тренера. Чиновники, журналисты и арбитры связаны с игровым семиотическим пространством опосредованно и не оказывают прямого воздействия на визуальный спортивный текст. Тренер представляет собой мифологизированную фигуру — он возвышается над игровым пространством, выступает как божество и творческое начало визуального спортивного текста. Тренер как высшее существо обязан все провидеть, предусмотреть, упорядочить и выстроить победное сочетание игроков. В этом контексте интересен знаменитый спортивный афоризм: «тренер должен „убить” в себе спортсмена». На практике это означает различное восприятие Игры: спортсменом — узкое и неполное, тренером — глубокое и всеохватное. В мифологическом сознании, чтобы стать тренером, спортсмену необходимо проделать путь перерождения из простого верующего в мученика и пророка. Тренер относится

к божествам языческого пантеона: во-первых, их много, во-вторых, в случае неудачного выступления команды он приносится в жертву. Это воскрешает славянский обряд символического наказания каменных фигур идолов, если они перестают благоволить племени. Еще одним мифическим образом, соответствующим фигуре Тренера, является образ Сизифа. Тренер повторяет безнадежный путь Сизифа: долго и трудно поднимает команду на вершину успеха, проигрывает, срывается вниз и начинает новый подъем. Некоторые, правда, достигают вершины, но в спорте нет ничего вечного и падение вниз неизбежно.

Все соревновательные циклы спорта содержат в себе категории начала и конца. Самую заметную роль эти категории проявляют в Игре. Перед Игрой (будь то футбольный матч, легкоатлетический забег или борцовский поединок) обязателен ритуал представления спортсменов. Чем крупнее соревнования, тем более торжественно и пышно выглядит ритуал. Предстартовый ритуал отражает равноправие спортсменов (обязательно представляют всех участников соревнования). Если Игра совпадает с завершением соревнований и определяет победителя, здесь обязателен другой ритуал — чествование чемпиона. Призеры поднимаются на пьедестал почета, на самой верхней ступеньке стоит победитель, в честь которого звучит гимн его страны. Этот ритуал выражает другой закон спорта: «побеждает сильнейший» и «победителю достанется все» (только один получает звание чемпиона и весь почет, с ним связанный). Н. Б. Мечковская относит ритуальное действие к первым семиотическим процессам, которые формировали мифологические представления первобытных людей, а сам ритуал — к древнейшей из социальных семиотик, из которой развились (отпочковались) такие семиотики, как искусства, религии, звуковой язык слов, а также многие подсистемы в семиотике поведения (Мечковская, 2004: 279).

Ритуал, включенный в спортивный текст, в символическом виде отражает всю суть соревнования, семантически воспроизводит весь спортивный миропорядок: равноправие и единство начала, торжество справедливости и иерархию конца. Это сближает спортив-

ный микрокосм с древнейшими мифологизированными представлениями и обрядами. Ритуал в спорте не входит в правила соревнований — комплекс регламентированных действий, нарушение которых строго карается (систему «писанных законов»). Ритуал сложился как традиционная церемония, отражающая сущность спорта: равноправие перед законом, честная Игра, победа наиболее достойного. В игровых видах спорта перед началом матча (как символ уважения противника) и по-

сле его завершения (как благодарность за честную и достойную игру) команды обмениваются рукопожатиями. Отказ от церемонии рукопожатия означает демонстрацию неприязни к сопернику, а также несогласие со справедливостью итогового результата.

Таким образом, мифология спорта восходит к единому мифопоэтическому ядру культуры и воспроизводит общие мифологические сюжеты и представления, существующие в едином культурном пространстве человечества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1994. 616 с.
Винокуров В. И. Шаг к истине. М. : Физкультура и спорт, 1981. 288 с.
Власов Ю. П. Справедливость силы. М. : НКИ, 1995. 597 с.
Лосев А. Ф. Миф — Число — Сущность. М. : Мысль, 1994. 919 с.
Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2001. 704 с.
Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура : курс лекций. М. : Академия, 2004. 432 с.
Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : Symposium, 2004. 544 с.

REFERENCES

- Bart R. (1994). Selected works: Semiotics. Poetics. Moscow: Progress, 616 p. (in Russian).
Vinokurov V. I. (1981). Step to the truth. Moscow: Fizkul'tura i sport, 288 p. (in Russian).
Vlasov Yu. P. (1995). Justice of force. Moscow: NKI, 597 p. (in Russian).
Losev A. F. (1994). Myth — Number — Essence. Moscow: Mysl', 919 p. (in Russian).
Lotman Yu. M. (2001). Semiosphere. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb, 704 p. (in Russian).
Mechkovskaya N. B. (2004). Semiotics: Language. Nature. Culture: Course of lectures. Moscow: Academiya, 432 p. (in Russian).
Eco U. (2004). Missing structure. Introduction to Semiology. St. Petersburg: Symposium, 544 p. (in Russian).